

Три визита

(“Станционный смотритель”)

Аванян Кристина

Армения, Ереван

Школа “Усмунк”

+374 43 163 920

avanian.olgha@mail.ru

Будучи писателем, я в своем-то возрасте имел на счету уже 18 рассказов и 30 статей, опубликованных в различных издательствах. Не желая оставлять свои способности в застое, я, то опускал, то поднимал планку, сдавая произведения в издательства разного уровня и известности. На этот раз новым пунктом в моем “послужном” списке стало малоизвестное издательство “Старый арзамасец”.

С сумкой с бумагами (я предпочитал сдавать очередной рассказ или статью в письменном виде, но на всякий случай всегда держал при себе флэшку) я сел в первое попавшееся такси. Болтливый водитель рассказал мне, что “Арзамасец” имел неприятную славу “последнего шанса” для отчаявшихся авторов, чьи работы были отклонены везде, где они пытались издаться. Последним, что я узнал перед тем, как выйти из машины, было то, что хозяин жил прямо в здании издательства со своей дочерью.

Выйдя из машины, я бросил взгляд на двухэтажное здание, покрытое уже частично осыпавшейся сиреневой краской, с желтой табличкой “Издательство “Старый арзамасец”” в черной металлической рамке. Я вошел со звуком колокольчика, висевшего на двери. Взору моему предстал просторный зал, пространство которого, однако, визуально сжималось расставленными вдоль стен картонными коробками с бумажными папками и шкафами с книгами. В этот момент, сидящий за высоким деревянным столом мужчина лет пятидесяти, оторвавшись от экрана ноутбука (и словно обрадованный появлением повода сделать это), подошел ко мне и, представившись Советяном, бросил взгляд на мою сумку: “Вы, должно быть, материал принесли. Здесь пока оставите, или сейчас проверим?” . “Что ж, и Вам здравствуйте. Для меня это не первый опыт, я уже много раз издавался. И я считаю, что окончательное мнение о

произведении формируется спустя некоторое время после прочтения. Но день у меня сегодня свободный, и я предпочту остаться у Вас”, — гордо ответил я. Нечасто к нам заходят успешные авторы, — нахмурился Советян, а Вы чай будете или кофе?”. “Чай, спасибо”, — ответил я, а мужчина указал на стол, где я пока должен был подождать его, а сам пошел к ступенькам, что, похоже, вели на второй этаж. Я же вначале решил осмотреть содержимое книжных шкафов. Осознав, что ни одна книга не была мне знакома, я решил, что это- шкаф с произведениями тех горе- авторов, о которых говорил водитель. Увидев, возвращающегося Советяна, я сел за стол. Сидеть за ним было приятно, да и вся комната была так же чиста. Я передал бумаги, усевшемуся Советяну, а тот, удивленный, видимо, бумажным форматом, все же начал читать. Тут же со стороны ступенек послышались шаги, среди которых улавливался легкий звон посуды. Мои догадки оказались верны: источником звука была дочь издателя. Она несла поднос с чаем и сладким. На вид ей было лет семнадцать. Она подошла к нам и стала расставлять принесенное. Звали ее Лусине. Я пригласил ее присоединиться к нам, на что ни у нее, ни у ее отца не нашлось возражений. Наша оживленная беседа затянулась до вечера. Произведение мое было временно отложено, о чем я ничуть не жалел.

На следующий день Советян сообщил мне, что моя новая книга будет издана. Некоторое время спустя мне поступило предложение о работе в университете в соседнем городе, от которого я, естественно, не позволил себе отказаться.

Годы спустя я решил навеститься в “ Арзамасец ” уже с группой своих студентов, чтобы мои “юные авторы” представили там свои произведения. Оставив ребят в гостинице, сам я направился к старому знакомому с бутылкой двадцатипятилетнего коньяка, чтобы договориться о встрече. Прибыв на место назначения, я в предвкушении шагнул через порог. Как и в тот раз, на звон дверного колокольчика вышел хозяин. Как он постарел! Несколько лет буквально превратили здорового мужчину в измученного старика. Зал будто отражал его состояние: чистая когда-то комната стала душной и запыленной; коробки, прежде расставленные вдоль стен, теперь стояли кое-как, вразброс. Советян узнал меня не сразу, но вскоре вспомнил. Чтобы поговорить, мы сели за тот же, но теперь покрытый слоем пыли деревянный стол. Словно забыв о цели своего визита, я стал

спрашивать о его дочери, но он лишь молчал, читая что-то на своем ноутбуке. Тогда я предоставил ему свой подарок и предложил выпить, надеясь, что хоть это развяжет язык моего “собеседника”. Я был прав: выпив из принесенного им бокала, Советян сам начал рассказывать о событиях последних лет, что явились величайшим горем в его жизни:

“В воскресный день, пару лет назад к нам наведалься один молодой человек. Подойдя гордыми шагами к столу, где я в тот момент работал, он ударом положил на него флэшку и, наклонившись, опираясь на свой локоть, сказал: “Бросай свое дело, старик, займись моим произведением. Оно-то точно придаст известности этой конторке!”. Привыкший (к счастью, или, к сожалению) к подобным выступлениям, я ответил: “Неужели сюда Вас привело доброе намерение прославить мое издательство?”. “Сюда меня привело лишь воскресенье: все прочие издательства закрыты. Не тешь свое самолюбие, если не знаешь, с кем имеешь дело”,- начал он было угрожать. Затем юноша представился сыном влиятельного чиновника N, которому, как он выразился, “ничего не стоило сравнить это место с землей”. Лишь Лусине, пришедшая на его громкий голос, сумела его утихомирить, и вскоре мы уже сидели за столом с чаем и закусками. Меня выводило из себя поведение N: минуту назад грубя и угрожая мне, он перевоплотился в джентльмена, разговаривая с моей дочерью. Посиделки затянулись до вечера, когда наш “гость” почувствовал себя плохо. Хотя он жаловался на отравление и от головокружения было тяжело ходить, он наотрез отказывался от вызова скорой. Так и остался он у нас на всю ночь, а бедная Лусине за ним присматривала. На следующий день она должна была ехать в редакцию одного журнала, чтобы сдать несколько зарисовок. Так как N “стало лучше”, он тоже уж собирался выезжать и даже предложил подвезти Лусине до редакции. Я ясно дал понять им обоим: никто никого подвозить не будет. Так она вышла чуть позже N. Я проследил за ней и увидел, как она добровольно села в его машину. Я же запретил ей! Тогда я вернулся домой, готовясь провести серьезный разговор с дочерью. Он так и не состоялся: Лусине никак не возвращалась. Не сумев даже дозвониться до нее, я отправился напрямик в полицейский участок. Написать заявление мне позволили лишь спустя два дня после исчезновения. Признаться честно, я не был уверен в своей победе, ввиду положения “похитителя”. Опасения подтвердились, когда полиция, без разьяснения причин, закрыла дело. Вот и ни слуху, ни духу о Лусине с тех пор; даже в интернете не

было новых ее фотографий. А когда я узнал, что у N уже двое сыновей...”- тут старик замолчал и, оперевшись на руку, закрыл ладонью лицо. Я, растерянный, решил уйти. Сердце мое разрывалось от жалости, ведь в этой истории я был полностью на стороне отца, а не его, как оказалось, легкомысленной дочери. Вопрос о моих студентах так и остался не поднятым, и на следующий день они сдали работы уже в другое издательство.

Через год я вновь вспомнил о Советяне и решил навестить к нему. Прибыв на место, я не нашел там “Старого арзамасца”. Увидев, как я метался из стороны в сторону, меня окликнул водитель, что подвозил меня сюда в прошлые разы. Оказалось, что вскоре после моего последнего визита Советян окончательно спился и умер. Тогда я сказал таксисту отвезти меня туда, где он похоронен. На кладбище узкая тропинка привела меня к скромной могиле Советяна. На ней лежали довольно свежие цветы. Тогда я пошел к цветочной будке поблизости и спросил продавщицу о недавнем посетителе. “Да девушка одна недавно цветы на могиле раскладывала, потом долго еще там сидела, плакала, пока за ней машина не приехала, большая, черная. Она поднялась, а навстречу ей из машины выбежали двое мальчиков. А у машины им личный водитель двери держал, богатые, наверное...Ой, заболталась, уж извините!” – затараторила женщина. Я купил белых лилий и вернулся к могиле, сдерживая натягивающуюся улыбку. Присев на колени, я разложил цветы, и, уже не скрывая улыбку, сказал: “Помнит она тебя, помнит!”.